

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ
НЕОКОНЧЕННЫЕ ХРОНИКИ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

ТАЙНИК В БАЛАТОНФЮРЕДЕ

Александр Валерьевич Усовский

Тайник в Балатонфюреде

Серия «Неоконченные хроники Третьей мировой», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54083686
ISBN 978-5-042-52929-0

Аннотация

Одиссей отошёл от оперативной работы и работает над книгой о Словацком национальном восстании. Для более детального изучения предмета он едет в Банска-Бистрицу, в музей этого восстания. Там его настигает приказ руководства связаться с венгерским другом его генерала, от которого поступило довольно странное известие. Выясняется, что некие политики из венгерского праворадикального лагеря по указанию своих «кураторов» спланировали отторгнуть от Словакии территории, населенные венграми, для чего в Словакию уже начинают перебрасываться оружие и обученные боевики. Одиссей получает приказ – сорвать назревающий конфликт – для чего использует оставленный Советской Армией в Венгрии тайник со взрывчаткой. В результате взрыва плотины полтора миллиона тонн щелочных отходов разливаются по малонаселенной местности у Веспрема, и венгерское правительство вынуждено,

забыв о планах дестабилизации Словакии, заняться спасением страны от экологической катастрофы.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Усовский

Тайник в Балатонфюреде

*Моей жене Лене – без которой не было бы
написано ни строчки...*

Моим венгерским друзьям

***Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять
похоти отца вашего.***

***Он был человекоубийца от начала и не устоял
в истине;***

***ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь,
говорит свое;***

ибо он лжец и отец лжи.

Евангелие от Иоанна, глава 8, ст. 44

*Я сто раз умирал, я привык
Погибать, оставаясь живым.
Я, как пламя свечи, каждый миг
В этой вечной борьбе невредим.*

*Умирает не пламя – свеча,
Тает плоть, но душа горяча.
И в борьбе пребываю, уча
Быть до смерти собою самим...*

Ю. Семёнов «Дипломатический агент»

Пролог

*Будапешт, парк Варошлигет,
12 октября 1990 года*

– Вы уходите...

– Да, мы уходим. В июне следующего года нас здесь уже не должно быть.

– Максим, вас уже нет. Я имею в виду...

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, Лаци. Именно поэтому я позвал тебя сюда. Давай прогуляемся до Вайдахуньяда, сегодня чертовски хорошая погода для прогулок на свежем воздухе...

Двое неприметных, скромно одетых, немолодых мужчин, свернув с тротуара, идущего вдоль Варошлигети кёрут и уходящего в глубину парка, направились к шпилям видневшегося среди не по-осеннему пышных крон деревьев замка.

Один из них, чуть постарше и повыше ростом, расстегнул плащ и, едва заметно улыбнувшись, сказал:

– Всё меняется – а октябрь в Венгрии по-прежнему тёплый; вон, даже деревья ещё все зелёные!

Его попутчик в ответ вполголоса проговорил:

– Я был мальчишкой в октябре пятьдесят шестого. Тогда здесь было жарче, чем в аду...

Высокий кивнул, улыбка исчезла с его лица.

– Я помню о твоём отце, Лаци...

Второй собеседник вздохнул.

– Я так и не успел с ним попрощаться... В тот день он ушёл на службу, даже не позавтракав... Мама так до конца своей жизни и не простила себе, что не заставила отца поест. Как будто это могло бы его спасти...

Тот, кого его собеседник назвал Максимом – положил руку ему на плечо.

– Если бы ты оказался в тот день на его месте, в горкоме – ты сделал бы то же самое.

Лайош с горечью ответил.

– Не в этом дело. Беда в другом – с каждым днем я все чаще думаю, что мой отец отдал жизнь напрасно. Защитники горкома – теперь уже не герои. Ещё немного – и они станут злодеями...

Максим махнул рукой.

– Не отчаивайся, дружище. Мутная пена сойдёт... У нас сейчас тоже герои объявляются негодьями, а предатели становятся героями. Такое уж мы переживаем паскудное время... Оно кончится. У нас, в России, говорят – у лжи короткие ноги. Подождём... Когда-то памятники старым героям снова займут свои постаменты.

Лайош недоверчиво покачал головой.

– Боюсь, мы до этого уже не доживём. Слишком яро эти, новые, взялись за слом средней буквы...

– Какой средней буквы?

– Буквы «эн». Венгерская народная республика – сокращённо ВНР. Вот они эту среднюю «эн» и ломают... Ладно, Максим, давай поговорим о наших делах. Что тебя заставило помчаться в нашу глухую провинцию из Москвы, из столицы империи?

Максим вздохнул.

– Москва уже не центр мира, как ты знаешь... А приехал я к тебе по делу, тут ты прав. Тебя, насколько я понимаю, скоро увольняют?

Лайош грустно улыбнулся.

– Правильно понимаешь. Жду приказа со дня на день. Уже и дела подготовил – хотя кому они сейчас нужны?...

– Понятно. Чем дальше собираешься заниматься?

Лайош пожал плечами.

– Мне сорок шесть, на пенсию по выслуге вполне могу выйти... Вот только не уверен, что эти, нынешние, будут платить пенсии бывшим сотрудникам госбезопасности. – И, улыбнувшись, добавил: – У меня есть домик недалеко от Дёндёштарьяна, четыре сотки виноградника сорта «эзерйо» – остались от деда. Стану виноделом! Это ведь так по-венгерски...

Максим кивнул.

– Виноделом – это хорошо. Дослужившись до полковника – только виноделом и становиться...

Лайош развёл руками.

– В нынешней Венгрии полковник – это хуже, чем убийца и растлитель. Слуга антинародного режима! Тем более – полковник госбезопасности. Не «Авош»², конечно, но...

– Ясно. Ладно, виноделие – дело, в принципе, хорошее. Но я бы хотел, чтобы ты не ограничивался выращиванием винограда, не замыкался на своих лозах, а всё же держал руку на пульсе здешней внутренней жизни.

Лайош скептически посмотрел на своего визави.

– Максим, ты хочешь сделать из меня своего агента?

– Стар ты уже для агента... Мне не агент нужен – мне нужен понимающий человек, которому бы я абсолютно доверял. – Помолчав, Максим продолжил: – У тебя в Управлении есть толковые молодые сотрудники, которые смогут найти себя в новой Венгрии?

Лайош кивнул.

– Конечно. Я сам их подбирал, даже если их тоже уволят – они не потеряются.

– Это хорошо. Я попрошу тебя не терять с ними контактов, поддерживать связь, в общем, держать их в поле зрения. Но только тех, кому ты абсолютно доверяешь!

Лайош пожал плечами.

² Államvédelmi Natóság, AVH, в просторечии «Авош» – служба госбезопасности в Венгерской Народной Республике, существовавшая в 1945–1956.

– Мог бы и не говорить. С теми, кому я не доверяю – я обычно и не общаюсь. Дослужился до такой возможности... Цель такой агентурной сети?

Максим махнул рукой.

– Какая там сеть! О сети мы не говорим – мы говорим о том, чтобы иметь здесь, в Венгрии, людей, которые в случае нужды нам смогут помочь.

– Вы... Вы ещё надеетесь вернуться?

– А почему ты удивлён? Да, сегодня мы, грубо говоря, в полной заднице, наши вожди обезумели и впали в маразм, их советники предали врагу, наш народ возжаждал двести сортов колбасы и за них готов мать родную продать, окраинные улусы замышляют измену, а ситуация в верхах очень напоминает банку с пауками... Всё, как обычно при крушении империй... – Максим тяжело вздохнул, – Но ведь за «сегодня» всегда следует «завтра»... А завтра, очень может быть, нам понадобятся надёжные, крепкие духом люди, готовые оказать помощь бывшей метрополии... Теперь ты понимаешь, что мне от тебя надо?

Лайош кивнул.

– Да, я понимаю. Тебе нужны «спящие» агенты. Но... Как бы это правильнее сказать? Мои связи могут проследить. Эти, нынешние...

Максим пренебрежительно бросил:

– Это – вряд ли. – А затем, вздохнув, добавил: – Даже если за тобой будут следить – что взять с отставного винодела?

Да, ты общаешься с какими-то людьми – кстати, рекомендую тебе общаться пошире – ну и что? Ты ведь никакой антивенгерской деятельности не ведёшь?

Лайош пожал плечами.

– Не веду. И когда... когда примерно вам понадобятся мои люди?

– Не очень скоро. Лет пять-шесть мы будем отступать – сдавая всё новые и новые редуты и бастионы. Уйдут под чужие знамена не только прибалтийские республики – неблагополучна Украина, да и в Белоруссии хватает мутной водички – в какой известная тебе публика любит рыбку половить... Среднюю Азию мы тоже не удержим – хотя проку от неё... В общем, довольно долго ты будешь видеть, как умирает Россия, как множится измена и плодится предательство... – Максим тяжело вздохнул. – Впрочем, хочу тебя успокоить – моя новая служба к числу внесенных в реестр государственных органов не относится. Официально нас вообще нет. Так что никакой опасности засветки не будет в принципе. К тому же ты будешь завязан только на меня. Наш нынешний шеф подумывает о пенсии, и, вполне возможно, в ближайшее время мне придется занять его кабинет. Поэтому я и приехал к тебе, моему товарищу по оружию – мне надо формировать свои собственные группы, которые будут работать только со мной. Везде, где это только возможно – и в первую очередь здесь, в Восточной Европе, которую мы оставляем.

Лайош неопределенно хмыкнул.

– Оставляете – хотя очень многие восточноевропейцы вас об этом совсем не просили... Венгрия вскоре уйдёт на Запад. И мои люди должны будут работать против своей страны?

Максим отрицательно покачал головой.

– Нет. Этого я ни от тебя, ни от твоих людей никогда не потребую.

– Уже легче. Каковы тогда будут их задачи?

– Помочь нам – когда в этом наступит нужда.

– Помочь... чем?

– Делом. Они должны будут готовы, в случае необходимости, сделать для России всё, что будет в их силах. И я тебе обещаю, что я ничего не попрошу у них сделать против Венгрии. Нам нужны именно такие люди!

– Хорошо, я понял... Относительно денег?

Максим скупно улыбнулся.

– Мы не идеалисты. Людям надо иметь, кроме всего прочего, материальный стимул – мы его им гарантируем. У нас есть для этого финансовые источники... В общем, ты сам определишься, кому и сколько нужно будет выплачивать – чтобы они о нас не забывали, и, самое главное, чтобы были готовы в нужный момент встать в строй.

Лайош кивнул.

– Понял. Человек пять-шесть у меня есть на примете, думаю, ещё несколько подберу. Связь?

– Решим. Думаю, где-то через год-полтора найдём безопасные варианты. У меня люди над этим вопросом в

Москве работают... Да, каждый твой человек будет завязан на моего офицера – без ненужной в данном деле централизации. Ты не против?

Лайош кивнул.

– Это разумно. Экстренная связь? Если мне нужно будет тебе что-то срочно сообщить?

Максим отрицательно покачал головой.

– Крайне нежелательно. Ты ж понимаешь, ты будешь на заметке совсем не у своих бывших коллег. Когда сюда, в Будапешт, придут те, что играют за чёрных – уж они-то постараются отследить все твои связи с границей... Хотя, впрочем, есть один вариант.

– Какой?

– Если ты на самом деле решишь, что некая проблема настоятельно требует моего вмешательства – моего и моих людей там, в Москве – то отправь в Вену по почте открытку. Текст не имеет значения, главное – напиши там свой обратный адрес и имя. Я пойму, что произошло нечто экстраординарное. И я пришлю к тебе человека, который возьмётся за это дело.

– Адрес в Вене?

Вместо ответа Максим, порывшись в своём бумажнике, протянул своему собеседнику визитную карточку.

– Это фирма, которой мы владеем – разумеется, через оффшорную компанию на Каймановых островах. Она реально занимается сдачей в аренду выставочных площадей –

мы для этого купили небольшую галерею недалеко от Ринга. Весьма, я тебе скажу, прибыльная компания! – и Максим скупно улыбнулся.

– Хорошо. Думаю, этот адрес мне не понадобится, но, как у вас говорят, запас беды не делает.

– Не чинит.

– Да, не чинит. Я неплохо говорю по-русски, только с идиомами иногда...

– Значит, договорились. Я оставлю тебе немного денег на оперативные расходы?

– Оставь, лишними не будут. – Взяв из рук Максима увесистый пакет, Лайош молча переложил его себе во внутренний карман пиджака, а затем спросил: – Как и когда ты выйдешь на связь?

– Через полгода. Сюда приедет мой человек, и одиннадцатого, двенадцатого и тринадцатого апреля он будет ждать тебя на террасе ресторана «Гундель» с полудня до часу. Он будет читать Гашека, «Бравого солдата Швейка». По-польски. Запомнил?

– Да, запомнил. К апрелю, я думаю, я уже буду в отставке. Что ещё делать отставнику, как не шататься по ресторанам?

– Кстати, раз уж зашла речь о ресторанах – не зайти ли нам в «Гундель»?

Лайош отрицательно покачал головой.

– Не стоит. Скверно готовят и плохое обслуживание. Пошли в метро, я свожу тебя в Буду, там, недалеко от Москва

тер, есть чудесный ресторанчик, где подают отличную сегедскую уху.

– Халасле – не уха. Это рыбный суп.

Лайош едва заметно улыбнулся.

– Знаю, знаю... Настоящая уха может быть только в России... Ладно, вот и вход в метро. Давай осторожно, здесь скользкие ступеньки.

Два немолодых человека спустились на станцию метро «Сечени Фюрдо» и сели в смешной желтенький вагончик такого же, почти игрушечного, поезда «первой на европейском континенте» линии метро. Добравшись до будайской стороны, они с удовольствием пообедали на открытой террасе небольшого, но весьма уютного ресторанчика, отдав должное и халасле по-сегедски, и огненно-острому пёркельту, и бутылочке пусть и немного по-крестьянски простого и непритязательного, но в то же время кружащего голову, лёгкого, терпкого, живого и насыщенно-яркого кёкфранкоша из Виллани.

Была уже середина октября, туристический сезон закончился – но погода в Будапеште была всё ещё по-летнему мягкой и тёплой. Впереди была зима, с её стылým колющим ветром с Дуная, пронизывающим до костей, впереди были холодные угрюмые рассветы декабря, серые блеклые дни в первые дни после Нового года – но всё это будет ещё не скоро. Пока же Будапешт купался в мягкой, едва заметной, дымке тёплой осени...

– Ну что ж, Лаци, спасибо за обед.

– Не за что. Тем более – пёркэльт был несколько жирноват.

Максим улыбнулся.

– Конечно, твоя жена приготовила бы лучше...

– Я и сам бы приготовил лучше. Помнишь, как я готовил гуляш в общаге?

– Помню. И всегда ругался, что в наших магазинах не купить паприки...

Они помолчали. Затем Лайош, прокашлявшись, спросил:

– Когда тебя ждать в следующий раз?

Максим грустно улыбнулся.

– Боюсь, что не скоро... У тебя будет много времени, чтобы достичь совершенства в кулинарии!

– Позавчера было ровно двадцать лет, как мы знакомы...

– Я помню.

– Двадцать лет мы были товарищами по оружию и просто хорошими друзьями...

– Друзьями мы останемся и дальше. Впрочем, как и товарищами по оружию.

– Ты понимаешь, что я имею в виду...

– Понимаю.

– Мы с тобой старые солдаты... Почему мы не удержали свои позиции?

Максим тяжело вздохнул.

– Потому что нельзя удержать позицию, когда Генераль-

ный штаб уже запланировал твоё поражение.

Лайош спросил с горечью в голосе:

– Максим, скажи мне честно – тебе не кажется, что мы прожили свою жизнь напрасно?

Его собеседник скупо улыбнулся.

– Мы ещё её не прожили. Время покажет... И не спеши себя хоронить! Мы с тобой всё ещё живы – а это значит, что наши враги и дальше будут ночевать с пистолетами под подушкой... А канониры на их береговых фортах по-прежнему вынуждены будут спать стоя – с зажжёнными фитилями!

– Хорошо. – Лайош чуть заметно улыбнулся, а затем добавил. – Я буду ждать твоего человека. На новой позиции. Хотя я пока не знаю, смогу ли её удержать...

– Сможешь. Эту позицию выбираем уже мы сами – без всяких штабов. И победа или поражение на этой позиции – будет зависеть только от нас... А мы с тобой слишком старые и слишком опытные солдаты, чтобы проиграть!

Лайош кивнул.

– Хорошо. Я готов. – И, помолчав минуту, добавил: – Теперь нам будет трудно вот так запросто выпить бутылочку вилланьского кёкфранкоша...

– Ничего. Мы как-нибудь найдём способ, чтобы это сделать. – Максим посмотрел на часы, и, вздохнув, сказал: – Мне пора. Самолёт через полтора часа. А ещё ехать через весь Будапешт...

– Счастливого пути. До встречи!

– Будь здоров, Лаци! До видзення, как говорят наши польские друзья!

Они обнялись, после чего Максим, вскинув руку, остановил такси. Открыв переднюю дверь, он бросил таксисту «Ферихедь!», и, обернувшись, сказал с улыбкой:

– Не кисни! Очень скоро я надеюсь снова попробовать твоего гуляша – такого же, как двадцать лет назад. Тренируйся!

Больше они так никогда и не встретились...

Глава первая

* * *

Вот черти! «Таких букв нет в польском алфавите»! Можно подумать, все буквы их номеров, взятых из их алфавита, есть в нашем! Дискриминация по филологическому принципу – им на номерах на латинице к нам можно, а вот нам с кириллическими буквами на номерах – к ним никак нельзя! Суки...

А ведь так хорошо всё начиналось! «Копейку» хлопцы из соседнего гаража довели до идеального состояния, техосмотр – Техосмотр! – был пройден без сучка и задоринки, полторы тысячи евро командировочных из кассы получены, гостиницы заказаны, люди предупреждены... И на тебе!

Стражи граничны бегают, суетятся, звонят в Люблин и Варшаву... Пятый пункт семьдесят первого артикула их Дорожного кодекса, видите ли, не позволяет им впустить в Польшу этот самоход – «бо у пана бардзо стары бляхи». Старые. Не спорю. Получены в одна тысяча девятьсот семьдесят четвертом году – сиречь, автомобиль обрёл их при рождении. И с ними этот экипаж прожил всю свою жизнь! Сначала – колеся по славному городу Ковелю и его окрестно-

стям, потом с этими чёрными номерами сей самоход проделал трудный путь через всю Украину, с ними же совершил марш-бросок до Берлина (девять лет назад эти номера были вполне законными для великогерманского Рейха, а сегодня не годятся даже для Польши – ну ты подумай!), на них объездил всё Подмосковье, за последние пять лет изборозил всю Белоруссию вдоль и поперёк – и тут бац! Польская засада!

Хорошо хоть, «шенгенка» многократная, если сейчас обратно попрут (а попрут однозначно, к бабке не ходи) – можно будет, сменив номера, послезавтра снова стартануть. Но уже не будет того драйва... Ладно, вон идёт тот хорунжий, который номера фотографировал, сейчас будет объяснять, что они ни в чём не виноваты. Засранцы...

– Пше прошам пану, але не можно. Зазвонили до Варшавы, але ниц не можем зробичь. Тшеба с поворотем... – И виновато так смотрит, взглядом побитой собаки.

Одиссей махнул рукой.

– Ладно. Три часа уже простоял, чёрт с вами. По какому коридору я могу вернуться назад?

Воспрявший духом хорунжий (с ним Одиссей час назад яростно изругался вдрызг, пообещав тому все кары небесные и гнев высших польских бюрократов, всеу помянув и Радослава Сикорского³, и Богдана Клиха⁴) старательно объяснил схему объезда терминала – и Одиссей, плюнув с до-

³ В сентябре 2010 года – министр иностранных дел Польши

⁴ В сентябре 2010 года – министр национальной обороны Польши

сады, сел в «копейку» и, назло полякам врубив музыку на полную (очень кстати в магнитоле стоял диск Игоря Сивака, его альбом «Нехолодная война»), развернулся на пяточке у будки польских пограничников, газанул до пола и, пугая польских таможенников воинственными аккордами пронзительно-искренней, по-настоящему военной, песни «Слушать в отсеках», отправился на восток – к алеющему в полусотне метров белорусскому флагу.

Ладно, чёрт с ним, поменяем номера – раз старые советские так напрягают этих чёртовых ляхов. С первого раза не получилось пересечь границу – что ж, получится со второго!

* * *

Когда, будучи в Москве, он упросил командование дать ему двухнедельный отпуск в сентябре для поездки в Словакию, в музей восстания – то имелось в виду, что отправиться в этот путь он, как и в марте, вместе со своим старым товарищем по университету и на его машине. У однокурсника Одиссея был свежий пятилетний «бумер», водил тот отменно (ещё бы – с двадцатилетним-то стажем непрерывной езды по городам и весям всей Европы!), и отцы-командиры даже и помыслить не могли, что у Одиссея есть свои виды на эту поездку.

Тем не менее – такие виды были. В марте почему он решил просить Саню Кузмицкого съездить с ним в Централь-

ную Европу? Потому что это март. Скверная погода, гололёд, короткий световой день, снег, и прочие природные катаклизмы. Да ещё по горам треть пути. Бережёного, как говорится, Бог бережет... К тому же целью той поездки было – быстренько прошвырнуться «галопом по Европам», восстановить кое-какие связи, кое с кем встретиться, хлебнуть вволю венгерского, убедиться, что он уже более не есть разыскиваемый всеми правоохранителями Центральной Европы опасный злодей (понятно, что прошло шесть лет, что паспорт ему сделали на другую фамилию – но удостовериться в безопасности будущих поездок не мешало, тем более, были люди, которые держали руку на пульсе, и эти люди готовы были удовлетворить любопытство Москвы) – и домой! За пять дней, помнится, управились...

А сейчас поездка предстояла, во-первых, в сентябре, то есть почти летом, во-вторых, длительная. Галоп здесь не годился, тут лёгкая рысь, а то и шаг... Посему и машина для такой поездки шибко резвая была не нужна – подойдёт и его «копейка», благо, она самобеглая коляска обихожена, обласкана и доведена до состояния едва ли не идеального. На такой машинке и по Европе пробежаться не грех... Да и какие там расстояния? Всё рядом... Краков, Банска-Бистрица, Партизанске, Турзовка... может быть, Будапешт. До любого города из списка за пару-тройку часов можно добраться – что от Партизанске до Будапешта, что от Кракова до Турзовки. Тесно народ в Европе живёт, плечом к плечу, можно

сказать. Малопольша – так вообще городок на городке и деревня на деревне, плотность населения сумасшедшая!

Посему, втайне от отцов-командиров, решил Одиссей готовить в дальнюю дорогу свои древние (но отнюдь не ветхие) «жигули». И ехать самостоятельно – во-первых, реальная экономия валюты, во-вторых – никто в шею не гонит и думать не мешает. Захотел – остановился, захотел – отаборился в каком-нибудь любопытном местечке; сам себе хозяин! Да и некоторые поручения генерала требовалось выполнить без лишних глаз и ушей...

Знающие люди, надо сказать прямо, ему говорили, что за Буг его на старых советских номерах (тех ещё, семидесятых годов, с белыми буквами и цифрами на чёрном фоне) не пустят – но он, помня, как то же самое ему твердили «знатоки» в две тысячи первом году, а он, тем не менее, спокойно на этих номерах проехал всю Польшу и половину Германии – решил этими досужими байками пренебречь. Как выяснилось – зря!

Упрямство и самонадеянность будет стоить ему семьсот вёрст лишнего пробега, двух календарных суток времени и весьма существенных финансовых потерь. Что ж, за всё в этой жизни нужно платить... Самое неприятное в этой истории с «поворотом» – что любимая супруга, насмешливо глянув в его виноватые глаза, будет иметь полное право сказать «Я так и знала!»

Поначалу о том, что он поедет в Европу на древней «жи-

гуличке», вообще не шло и речи. «На этом шарабане!?!?» Но после того, как ему удалось вполне успешно скатать супругу с детьми сначала в Гродненскую область – посмотреть Мирский замок и резиденцию Радзивиллов в Несвиже, а потом и в Жировичи, глянуть на чудотворную икону – его решение пробежаться по Польше и Словакии на первенце Волжского автозавода уже не вызывало такого резкого неприятия. Ну а обещание привезти из дальних стран что-нибудь чудесное и удивительное (хотя чем можно удивить бывшую жительницу федеративной Германии, в бытность свою должностным лицом германской контрразведки изрядно повидавшей мир – Бог весть...) – окончательно убедило супругу дать «добро» на эту поездку – хотя не без изрядной доли ироничных сомнений, напоследок обильно высказанных вслух. И теперь ему не отвертеться от торжествующего «Я так и знала!», придётся терпеть весьма ядовитую иронию любимой супруги – благо, всего несколько часов...

Ладно, это всё дела житейские. Послезавтра, с новыми номерами, он вновь предпримет штурм границы – на этот раз, даст Бог, вполне успешный. И на следующей неделе ему удастся попасть в Банска-Бистрицу – где в архиве музея Словацкого национального восстания тамошние работницы нашли для него несколько документов, касающихся участия героя его будущей книги в боях в Северной Словакии, о гибели его отряда и о том, как ему в январе сорок пятого удалось найти группу парашютистов, уцелевших после ноябрьского

разгрома. А ради такого не грех и отмахать две тысячи вёрст!

* * *

– Как думаешь, Левченко, пожары эти – когда закончатся? Август на исходе, а дышать по-прежнему нечем...

Полковник пожал плечами.

– Как погода... Я на пожарников и прочих «тоже спасателей» не надеюсь, только на промысел Господний. Случатся в сентябре дожди – пожары кончатся, не будет дождей – выгорит пол-России... Как-то так.

Генерал кивнул.

– Вот и я так думаю... Новый Лесной кодекс – весь в угоду частнику составлен, да только не подумали его создатели про пожары... Эффективные менеджеры, холера им в бок! Спят всю страну – а потом начнут, как обычно, ордена друг другу вешать. Паскудно всё это, Дмитрий свет Евгеньевич, аж с души воротит... – И Калюжный с досады сплюнул. А затем, вздохнув, добавил: – Когда уже в России нормальная власть появится – ума не приложу...

Левченко хмыкнул.

– Да я что-то нормальной и не припомню... Брежнев со старцами своими в Афган нас вогнал, Горбатый коммунизм всё пытался разрушить – а в итоге Союз развалил, Ельцин демократию затеялся ввести – не смысла в ней ни уха, ни рыла. Нынешние оба-два – вообще, не пойми, что за пасса-

жиры, и чего от них ждать... – Ничего хорошего я от них не жду, Левченко. Шибко мутные они. Скользкие. Один – из соседней лавочки выходец, провалившийся в Дрездене и уволенный за некомпетентность, и слухи нехорошие у соседей ходят – что к убийству Рохлина причастен; второй – вообще марионетка какая-то, не пойми чья... – Калюжный тяжело вздохнул. А затем, открыв лежащую на столе папку, сказал: – Ладно, с этим пуцай народ разбирается. Наше дело – свою работу выполнять. Рапорт Володи Терского ты, конечно, читал? – Левченко утвердительно кивнул. – Значит, в курсе проблемы Кого думаешь на его место поставить, на центральную Европу?

Левченко скупно улыбнулся.

– Вы моё мнение знаете. Одиссея, конечно.

Генерал покачал головой.

– Кандидатура, конечно, подходящая, но уж больно хвост за ним пышный... Да и супруга его... сам помнишь, откуда, и каких нам усилий стоило её официально из числа живых вывести. Одиссея координатором ставить – все связи на него замыкать; а он у нас хлопец меченый, и не раз. Фотография его, хочь и пятилетней давности, у тех, что играют за чёрных – есть, отпечатки пальцев того же срока давности – опять же, в наличии... Засвечен он, и засвечен плотно. Ставить его опять на оперативную работу – слишком сильно рисковать. Оно того стоит? Есть у нас сейчас серьезные проблемы в этом регионе? Чтобы профессионалом такого уров-

ня рисковать?

Левченко пожал плечами.

– Да вроде пока нет. В Польше какое-то мутное шебуршание по поводу будущих белорусских выборов идёт, тамошние деятели хотят поучаствовать в разделе грантов, которые будут на будущую белорусскую революцию отпущены. Дело обычное – отпустят на очередное свержение белорусского Батьки средства, их по большей части разворуют, а затем объявят, что диктатор силой удушил слабые ростки свободы и демократии, сфальсифицировал итоги выборов... всё, как обычно. Ничего нового.

– А словацко-венгерские тёрки – чем могут закончиться, по твоему просвещённому мнению?

Левченко хмыкнул.

– Да ничем особенным... Виктору Орбану и его партии, к власти только что вернувшимся, нужно указать мадьярам внешнего врага – Дюрчань с социалистами уже отработанный материал. Пошумят-пошумят, да и успокоятся...

– Вот видишь – ты сам подтвердил, что сейчас особой нужды в направлении туда сильного профессионала нет. Майора Гонга за глаза хватит!

– А Одиссей?

Калюжный улыбнулся.

– Пусть дальше свою книгу пишет да ребят молодых учит восточноевропейской специфике. Здесь он на месте... Он как, уже выехал в свою Словакию?

– Вчера отзвонился. Небольшие проблемы с документами, выедет сегодня.

– Книгу когда свою планирует закончить?

– Говорил, что к концу года. Материалов доберёт в этой, как её... в Банска-Быстрице – и допишет.

Генерал кивнул.

– Ну, вот пусть и дальше легальным литературным трудом промышляет. Я думаю, что в апреле четвертого года он свою последнюю операцию завершил, и после той акции с зятем Чемешева дёргать его на оперативную – будет перебор... Кстати, что там Крапивин докладывает – как у него успехи с нашим доблестным чиновничеством, ворованные деньги за рубеж откачивающим?

Левченко вздохнул.

– Откачивают. Ударными темпами. У Крапивина уже папок не хватает – материалы подшивать... Как с ума посходили, уже ничего не боятся, ни Бога, ни чёрта! Пилят и откатывают, да так, что аж пыль столбом...

– Ну что ж, пушай попылят, недолго им осталось развлекаться... Ты вот что, Левченко. Ты эту непонятную катаvasию в словацко-венгерском пограничье возьми-ка на контроль. Что-то мне, понимаешь, подсказывает – неспроста это шебуршание, и что-то скверно от него пахивает...

Да, пересекать границу надо в воскресенье – ни тебе очереди (ни одной машины на переходе!), ни напрасно потраченных нервов; пятнадцать минут на лениво-расслабленных белорусов, пятнадцать – на вялых полусонных поляков, и вот он, Евросоюз! – когда-то давно бывший Польшей...

Давешний хорунжий, чувствуя себя виноватым за позавчерашнее, быстренько проштамповал паспорт, и, даже не делая попытки как-то обозначить служебное рвение (типа, «откройте багажник» или «сколько водки везёте?»), махнул рукой в сторону шлагбаума.

В Словатичах свернул налево, на Влодаву – хоть дорога и не Бог весть какая, зато, в отличие от трассы на Вишневице, практически пустая аж до самой Ленчны. Ехать – одно удовольствие! К тому же именно по этой трассе они в девяносто девятом году ехали с Игорем в Будапешт – бодрящие воспоминания, ничего не скажешь... Как будто и не со мной всё это было – аэропорт Ферихедь, взлетающий «Хокай» в перекрестии прицела, короткий, но яростный бой, ранение, тюремная больница, Герда, поначалу принятая за галлюцинацию... Суд, отмеривший ему неслабый срок – который он, не помоги ему тогда хорошие люди, и по сию пору отсиживал бы в каторжной тюрьме Шиофока... прыжок с третьего этажа в кузов грузовичка, набитый картонными коробками...

Ночной переход через венгерско-словацкую границу – теоретически по компасу, фактически – ориентируясь лишь на Полярную звезду... жуткая темень и пронзительный холодный ветер с гор... Величка, Гарволин, драка с лодзинскими фанатами, брестские пацаны, легко и просто перебросившие его через границу – как будто делали это уже тысячу раз... Да, весёлые были времена! Весёлые – но и жутковатые...

Влодава... Здесь он во времена оны, в середине девяностых, получал в администрации гмины сертификат происхождения на лук и капусту – смешно сказать, но были времена, когда выгодно было овощи таскать из Польши в Белоруссию! А вот и трасса на Люблин – которая километров сорок будет идти по лесам, что для Польши случай редчайший. Дальше, за Вислой, деревня будет за деревней, лихачи на иномарках только зубами должны скрипеть от досады... Хотя... Плюют они нынче на правила, вообще ничего не боятся – ни Бога, ни чёрта, ни дорожной полиции! А мы торопиться не станем, нам спешить некуда... У нас отпуск!

За Вепшем кончится Холмская земля, начнётся Привислянский край – всё бывшие наши земли... Ну, в смысле – как наши? Российской империи, вестимо! На Венском конгрессе тысячу восемьсот пятнадцатого года хитроумные англичане всучили доверчивому павлину Александру Первому герцогство Варшавское – дескать, вы заслужили, сир, кровью, можно сказать, оплатили... Хитроумные бестии, на сто ходов вперёд глядящие – в этом англосаксам не откажешь! Вот

и получила Российская империя под свою руку осиное гнездо – десять губерний Привислянского края⁵ – и сто лет с ним мучилась... Восстание тридцатого года, восстание шестьдесят третьего года, постоянные заговоры и тайные общества, бурление и непрерывная генерация ненависти – да к тому же постоянная польская интрига, как тот Салтыков-Щедрин писал... Нужен был русским царям этот геморрой? А ведь держались за него зубами! Правда, и среди поляков изрядно было народу, кровь за Россию готовых отдать – те же «ноябрьские мученики», польские полки у Севастополя... Роман Дмовский, опять же! Может, и не зря Александр Первый согласился Варшавское герцогство под свою руку принять, кто знает?...

В Аннополе он остановился аккурат перед мостом через Вислу, загнал «жигуличку» на стоянку при заправке, зашёл в кафе – и ещё раз убедился, что Привислянский край всё ещё где-то в глубине души – часть Российской империи: туалет закрыт на ремонт, выбор блюд крайне скуден, официантка небрежна до крайности, еда малосъедобна, само кафе чистой отнюдь не блещет... Всё, как дома! Как будто и не уезжал из отечественных пределов...

Плыне Висла, плыне, по польской краине... Широченная,

⁵ Привислянский край, или Царство Польское – территория бывшей Речи Посполитой, отошедшая России по результатам Венского конгресса 1815 года (и поэтому иронично именуемая поляками «конгресувкой») и состоявшая из губерний Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петровской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Седлецкой

чертяка! Метров шестьсот – и это ещё здесь, в среднем течении... за Торунию, небось, уже и берегов будет не видать! В июне в Карпатах три недели шли непрерывные дожди, всё там затопило вдребезги пополам – как бы дороги на Словакию не размыло...

За Завихостью он свернул налево – на сиротскую провинциальную дорогу вдоль Вислы, виляющую через холмы, деревни и яблочные сады – которых здесь всегда была тьма-тьмушая. Яблочный край, место рождения тех самых знаменитых сортов – «айдарета», «шампиона» и «глостера» – которыми в девяностые годы вся Москва и пол-России спасались холодными зимами от цинги. Весь Привислянский край в те времена холил и лелеял яблоневого сады – основу крестьянского благосостояния... В девяносто третьем году, возвращаясь из Будапешта, он где-то здесь, у Сандомира, на стоянке перекинулся парой слов с тремя стариками, работавшими в яблочном саду. Оказалось – земляки, из-под Вильны, послевоенные репатрианты. Болеслав Берут им пообещал Царствие небесное на отнятых у немцев землях, вот они и оптировались в Нижнюю Силезию – но, как видно, никаких особых ништяков там эти трое себе не урвали, так всю жизнь и проработали сельскохозяйственными рабочими, ухаживая за яблоневыми садами по всей Польше. Хотя, может быть, никакие особенные ништяки им были и не нужны? Есть дом, есть сад, есть любимая работа, которую знаешь наизусть, есть дети, есть Родина – хоть и выторгованная Бе-

рутом в Потсдаме, но ведь есть! – что ещё надо человеку для счастья? Те трое дедов были, помнится, как-то удивительно-старомодно деликатны... он тогда подарил им, как землякам, три бутылочки венгерского бальзама, а они в ответ едва не завалили багажник его «бумера» яблоками – еле удалось отбиться... Килограмм десять, правда, пришлось взять – ну не обижать же было этих славных дедов!

Ближе к Сандомиру дорога начала набирать солидность, расширилась, налилась важностью, и километрах в пяти от родового гнезда Мнишков, оборотясь в семьдесят седьмое шоссе Варшава-Перемышль, раздвоилась, став полноценным четырехполосным автобаном – с которого, правда, Одиссей тут же свернул направо, на шоссе Сандомир-Краков – узкую и довольно нагруженную дорогу, которая, судя по карте, за Краковом превращалась в автостраду – но пока представляла собой обычное провинциальное двухрядное шоссе почти без обочин.

Теперь по этой дороге, никуда не сворачивая, до Бжеско – чтобы там свернуть налево; успеть бы до захода солнца доехать до Велички... Девять лет назад в этом местечке, в том самом мотеле, куда он сегодня должен попасть, ждали его брестские хлопцы – чтобы переправить домой. До окраины городка его тогда, помнится, довёз Янош Фекете, а затем, выгрузив и сообщив пароль, тут же двинул назад, к себе, на Мадьярщину. Те полчаса, что он искал мотель «Классик», были, помнится, весьма нервными...

По этой же дороге шесть лет назад ехала и опергруппа, направленная из Москвы для его избавления из лап Али Умара ар-Рамахи; ехала, да не доехала... Правда, самого Умара и его головорезов чуть позже перебили его бывшие коллеги-албанцы, которых он пытался кинуть на неслабую сумму⁶ – но факт остаётся фактом: ребята попали в автокатастрофу, изрядно покалечились, и он тогда в Моравии провёл несколько весьма тревожных часов; был момент – даже приготовился ступить на тропу, ведущую в Страну Вечной Охоты... Слава Богу, нашлись и в моравских Виловицах добрые люди – помогли избежать преждевременной встречи с апостолом Петром...

Правда, после той пертурбации с зятем вице-премьера Чемешева отцы-командиры временно отстранили его от оперативной работы – отцам-командирам, понятное дело, виднее. Пять лет после этого он проработал в Минске – писал всякую лабуду для журнальчиков и интернет-сайтов... вроде неплохо получалось, и даже вполне финансово успешно. Правда, по специальности всё же поработать удалось – но только один раз, увы...

Теперь он едет в Банска-Бистрицу – совершенно легально, в качестве официально приглашённого гостя: в музее Словацкого национального восстания нашлись документы об участии Рудольфа Яшика в боях осенью сорок четвертого в Жилинском крае (будущий писатель был тогда комиссаром

⁶ Речь идёт о событиях, описанных в романе «Contra spem spero»

отряда надпоручика Дорчака, бывшего частью бригады имени Штефаника); а ведь Павел Гавалда снисходительно называл своего бывшего одноклассника «счетоводом»! Несладко пришлось «счетоводу» в декабре сорок четвертого, когда их отряд разгромили немцы, а он, в одиночку, двинулся через хребет Малой Фатры к себе, в долину Кисуцы. Морозы в те дни стояли жуткие, музейные тётки утверждают, что до минус пятнадцати. Ночевать в горах на таком морозе – верная смерть...

«Белёсое, выцветшее от холода, бледно-стылое низкое небо, опустившееся так низко, что вершины гор исчезали в нём... Заковавший всё вокруг своим панцирем безжизненный, ослепительно белый и от этого мёртвяще-холодный, жёсткий и колючий снег... Заледневшие, скрючившиеся от стылого, пронизывающего ветра грязно-серые ели... Выступающие из-под снежных сугробов тяжёлые гранитные глыбы, напоминающие заледневшие надгробья... И мёртвая тишина – глухая, как на кладбище...» О как! Аж холодок по спине пробежал...

Так, надо подкрепиться. Вот как раз и знак с ножом с вилкой – впереди слева что-то типа пункта отдыха для путешественников: заправка, стоянка, мотель, ресторан. Всё новенькое, построенное в последние годы – правильно, эдакие деньжищи из Европы попёрли в Польшу; вот народ и кинулся массово строить разные объекты придорожного сервиса. По всему и этот комплекс – родом из эйфории начала двух-

тысячных...

Ну что, как обычно? Фляки, котлету мелёну с гарниром, воду негазовану и каву натуральну з млеком? Подошедшая официанта приняла заказ, пообещала, что «вшистко бендже пшез хвилю» – и упорхнула. Ладно, посидим, пусть глаза чуток отдохнут от дороги... Да-а-а, а посетителей-то негусто... Вечер воскресенья? Или просто народ поужался, перестал по ресторанам почём зря таскаться? Здесь, в Привислянском крае, доходы у простых поляков не Бог весть какие, крестьянская сторона... Ладно, пообедаем в гордом одиночестве. Как короли...

Кстати, о королях. Помниться, как-то ему довелось поучаствовать в диспуте по Люблинской унии – и уровень невежественности коллег поразил его по самое «не балуйся»! Так «плавать» в реалиях шестнадцатого века... «Польша хотела присоединить к себе слабого восточного соседа» – ну вот что можно ответить на этот перл? Только молча достать и положить на стол политическую карту того времени... Для Польши последних Ягеллонов Люблин был дальним северо-восточным фронтиром – северная же граница тогдашней Польши пролегла километрах в двадцати от правого берега Нарева. Дальше были земли, подвластные немцам... Вся жизнь Королевства кипела вдоль Вислы, Сана и Варты, а объектом колонизации для поляков были русские воеводства Княжества южнее Припяти – Киевское, Подольское, Волынское, Брацлавское, а также земли Дикого поля за Днепром – то-

гда ничейные. На территории дальние, лежащие далеко на холодном северо-востоке – поляки даже и не думали посягать. Чужая этническая территория! Что характерно – нынешняя западная граница Белоруссии почти линия в линию совпадает с границей 1569 года, да и лорд Керзон в двадцатом году прочертил этническую границу между поляками и белорусами практически по тем же планам – знал, старик, что делал...

Ну что ж, обед оказался недурён. До заката ещё три часа, надо успеть по светлому времени доехать до Велички. Для первого дня пятьсот вёрст на антикварных «жигулях» – более чем достаточно...

* * *

– Товарищ генерал, сообщение от Штефана.

Калюжный оторвался от чтения бумаг, недовольно глянул на Левченко, отложил в сторону папку – и буркнул:

– Вот умеешь ты невовремя обозначиться... Что там у нашего австрийца?

– Переслал странную открытку откуда-то из Венгрии. – Левченко, положив на стол начальника конверт, кивнул на папку, отложенную генералом в сторону: – Документы Крапивина?

Генерал кивнул.

– Они. Читайте – и начинаю потихоньку от ярости губы ку-

сать. Такие суммы из бюджета растаскивают – лет пять назад даже подумать было страшно, что такое вообще возможно... Вакханалия какая-то, чёрт знает что! Совсем с ума посходили... Поневоле товарища Сталина начинаешь понимать! – Калюжный вздохнул. А затем, взяв конверт, открыл его, достал открытку с видом на гору Геллерт, прочёл текст, и, недоуменно ещё раз со всех сторон осмотрев конверт, спросил у своего заместителя: – Ты никаких вестей из Венгрии не ждёшь?

Левченко отрицательно качнул головой.

– Нет. Во всяком случае – таким образом...

Генерал пожал плечами.

– Вот и я не жду... Бред какой-то! Какого-то Ференца Корвата приглашают на дегустацию вин. По-немецки. Хм... Ничего не понимаю... Хотя... Погоди-ка. На какой адрес в Вене пришла эта открытка?

– Там написано. Справа, внизу. На нашу фирму, которая управляет выставочным залом на Ратхаус-плац.

Калюжный несколько минут крутил в руках открытку, а затем, покачав головой, пробормотал вполголоса:

– Ну, вот ты и объявился, старый дурень... – И на глазах генерала, к немалому изумлению Левченко, появились слёзы.

– Максим Владимирович, вы поняли, от кого эта открытка?

Генерал вздохнул, вытер глаза, и, помолчав минуту – бро-

сил:

– Да.

– Это секрет?

Калюжный вздохнул.

– Да какие уж тут секреты... Был у меня товарищ, Лайош Темешвари, вместе учились во времена оны... Последний раз я его видел двадцать лет назад, когда приезжал в Будапешт – меня как раз после всех ближневосточных приключений в наше управление перевели, заместителем генерала Майданникова – с перспективой занять его место. Лайош мне тогда помог набрать людей в Венгрии – которые, кстати, потом нам очень помогли в операции «Обилич», да и после, когда Одиссея из тюрьмы пришлось вытаскивать.

– Вы о нём никогда не говорили.

Калюжный кивнул.

– Не говорил. В девяносто шестом его те, что играют за чёрных, прихватили за старые дела – он, доверчивая душа, решил, что сможет заделаться виноделом и будет у себя в деревне жить-поживать мирным отставником. Но не тут-то было... Злопамятная эта сволочь, и мстительная – ну, не мне тебе рассказывать.

– И чем кончилось?

– В девяносто седьмом его посадили на десять лет – типа, во время своей службы народной Венгрии он нарушал права человека и вообще вёл антидемократический образ жизни. Хотя за что его закрыли – понятно. Помнишь ту ис-

торию с сетью американских агентов в Венгрии и Чехословакии, которая работала с тамошними диссидентами, и которую туземные органы без какой-либо нашей помощи раскрыли? Скандал был знатный... Ты уже в то время служил в органах, должен помнить...

Левченко кивнул.

– Помню. Восемьдесят второго года дело.

– Восемьдесят третьего. Но это не важно – важно, что Лаци в том деле был на ведущих ролях, и благодаря ему, в общем-то, на кукловода – им оказался один коллекционер современного искусства из Будапешта, старый американский агент, ещё довоенный – и вышли... Этот, венгерский писатель, как его... уж и не помню фамилии – использовал эту историю для одного из своих шпионских детективов.

– Беркеши. Андраш Беркеши.

Генерал кивнул.

– Да, точно, Беркеши. Вспомнил.

– И что дальше было с вашим другом?

Калюжный вздохнул.

– А ничего хорошего. Дали десять лет ему за какие-то мифические преступления, а потом, в девяносто девятом, как раз когда мы операцию «Обилич» запустили – его в американскую военную тюрьму в Баварии перевезли. Три месяца там его потрошили... Но судя по тому, что все наши венгерские агенты живы-здоровы и на свободе – ничего путного эти суки из Лаци не выбили. Три года назад Дюла Шимон-

фи сообщил, что Лаци вышел из тюрьмы, но куда потом подался – не сообщил. Года полтора назад человек Крапивина сообщил, что пенсионер Лайош Темешвари поселился где-то в предгорьях Матры, и даже дал его адрес. Хотел я в прошлом году в Венгрию наведаться, повидать старого друга, даже справки кое-какие навёл – да тут эта история в Польше приключилась... Так и не съездил.

– А что означает эта открытка?

Калюжный почесал затылок.

– Вот и я бы хотел это знать... Когда мы с Лаци последний раз виделись – я ему оставил визитку с адресом вот этой нашей венской фирмы. Типа, если будет острая нужда в нашем вмешательстве – Лаци пришлёт на этот адрес открытку со своими координатами и точным обратным адресом. Но, – тут Калюжный ещё раз осмотрел открытку, – я смотрю, тут никакого обратного адреса нет, стоит только штемпель почтового отделения... Хрен поймёшь, какого, я в венгерском не очень...

– Дайте мне. – попросил Левченко. Генерал передал ему открытку. Подполковник поднёс её к самым глазам, подержал минуту – и уверенно произнёс: – Дёндештарьян.

– Это где такое?

Левченко пожал плечами.

– Так сразу и не скажу... Дёндешь – это как раз район горы Матра. Дёндештарьян – по всем признакам, где-то около.

Калюжный вздохнул.

– Ну вот, и как теперь понимать эту открытку – ума не приложу... Призыв о помощи? Формально нет – обратный адрес отсутствует. Приглашение в гости? Опять же, тогда было бы указано, куда приехать... Получается – «на деревню дедушке», короче.

Левченко, откашлявшись, спросил – как можно более равнодушным тоном:

– А вариант мышеловки не рассматриваете?

Генерал укоризненно глянул на своего заместителя:

– Глупостей не говори...

– Тогда что будем делать? Предпринять же что-то надо? Если, конечно, эта открытка от вашего друга...

– Надо. Этот, как его... Дёндёштарьян... он вообще, где территориально?

– На севере, аккурат на полпути от Будапешта до Мишкольца. Свернуть после Хатвана налево и через километров десять – будет Дёндёшь... Возле него и искать.

Генерал кивнул.

– Ясно. Кто из наших офицеров, что сейчас есть под рукой, мадьярским владеет хотя бы на троечку и с тамошней обстановкой знаком?

Левченко развёл руками.

– Так чтоб под рукой – никого. Все полиглоты в разгоне. Майор Леваневский, как вы знаете, местность знает и на тамошней мове трохи балакает – но вы его приказом от шестого июня отправили в отпуск. Майор Сердюк вроде как могёт

что-то выдать из себя по-венгерски – но он сейчас в Молдове, заканчивает работу с кишиневскими хлопцами. Капитан Токарь вроде пару слов связать может, правда, довольно специфических, типа «совет хадшерег»⁷, «орос катона»⁸ и «тизенэдьедик панцер дивизион»⁹ – но выше уровня кафе-отеля-заправки ему не совладать. Капитан Турчанинов, какой в Будапеште три месяца в позапрошлом году прожил – сейчас в госпитале... ну, вы в курсе, язва у него, он на ближайшие три недели не боец.

– А Одиссей наш – он в отпуск в Словакию убыл?

Левченко кивнул.

– Туда. В Банска-Бистрицу.

Генерал покачал головой.

– То есть практически по соседству... Какую легенду мы можем Одиссею быстренько состряпать – чтобы он на юг прокатился, по этому Дёндёштарьяну смог пару дней побродить и моего друга разыскать?

Левченко скупо улыбнулся.

– А тут и выдумывать нечего. Венгрия же... Матра – известный винодельческий район.

– Ага. Очень хорошо... Ты с Одиссеем можешь связаться?

Полковник кивнул.

– Могу. По сотовому – хотя нежелательно... есть и запас-

⁷ Szovjet hadsereg, – Советская армия (венг.)

⁸ Orosz katona – русский солдат (венг.)

⁹ Tizenegyedik Panzer Division – одиннадцатая танковая дивизия (иск. венг.)

ной вариант. Завтра к вечеру он будет в Банска-Бистрице, я знаю, в какой гостинице он остановится – вернее, в пансионе – позвоню с оперативного, из Кракова, и поговорю с ним. Отправить его в Дёндештарьян?

– Отправь. Так, без фанатизма. Просто небольшое отклонение от его маршрута. За пару дней он, я думаю, Лаци найдёт, с ним переговорит и выяснит, что там у урама¹⁰ Темешвари произошло...

– Тогда уж – у элвтарша¹¹. – Козырнул Левченко знанием венгерского.

Калюжный махнул рукой.

– Теперь это без разницы... Главное – чтобы он с Лаци поговорил, выяснил, что там у моего соседа по кубрику произошло. Мы ж с ним в училище на соседних койках спали... – И генерал, тяжело вздохнув, отвернулся к окну.

«Однако Дед становится сентиментален... Стареет?» Левченко деликатно откашлялся.

Калюжный повернулся к нему.

– Да, и вот ещё. Если Одиссей Лайоша найдёт – пусть передаст ему, что пора тому уже и Москву навестить. Что старые друзья очень по нему скучают...

Пполковник кивнул.

– Передам. Я сегодня на его имя организую приглашение от какой-нибудь виноторговой фирмы, завтра вышлю наше-

¹⁰ Uram – мой господин (венг.)

¹¹ Elvtárs – товарищ (венг.)

му консулу в Будапеште, и заодно деньги на поездку. С визой, думаю, проблем не будет.

– Дай Бог. Двадцать лет его не видел – а дело уже к старости идёт, хочется, ты понимаешь, успеть всех старых друзей повидать – прежде, чем предстанешь перед апостолом Петром. Друзья – они ведь только в молодости и появляются, после сорока ими уже не обзавестись. А с годами друг, как хороший коньяк – становится только дороже. Жаль, что мы иногда слишком поздно это понимаем...

* * *

В этот ранний час на узкой и извилистой, в обычное время пустынной и тихой, почти заброшенной, дороге, пересекающей горный массив Втачник и соединяющей долину средней Нитры с придунайской равниной – было необычайно оживлённо. На одном из крутых поворотов этого шляха сгрудилось полдюжины полицейских машин и карет скорой помощи – тревожно озарявших окрестный лес работающими проблесковыми маячками. Около десятка человек в разного рода униформе деловито сновали у этого скопления машин – и ещё несколько их коллег суетились вокруг виновника этого столпотворения, старенького грузового микроавтобуса «мерседес», лежащего кверху колесами метрах в десяти ниже полотна шоссе.

Авария, случившаяся, по мнению дорожной полиции, на

рассвете, закончилась весьма скверно – и водитель, и пассажир микроавтобуса погибли на месте, так что две машины скорой помощи, примчавшиеся на место происшествия из Партизанске, оказались не у дел. Врач, прибывший на первой машине, констатировал смерть пострадавших «от травм, несовместимых с жизнью» – деликатно обозначив сим словосочетанием две кровавые груды мяса и костей, ещё недавно бывших живыми людьми. Тела покойников, тщательно обысканные полицейскими, были уже погружены в кареты скорой помощи, свидетельства о смерти выписаны – и теперь медики неторопливо курили у своих машин – несколько отстранённо взирая на суету полицейских.

– Пан надпоручик, посмотрите. – Пожилой вахмистр, неловко изогнувшись, открыл один из ящиков, вывалившихся из разрушенного от удара кузова микроавтобуса. – Я такого отродясь не видел...

Офицер, руководивший осмотром места происшествия, недовольно поморщился – но, увидев содержание ящика, присвистнул.

– Ого! Ничего себе! Вахмистр Мажура, осмотрите все ящики и коробки в машине и возле неё! – И тут же надпоручик, достав телефон, набрал номер и, дождавшись недовольного «Слушаю!» – вполголоса доложил: – Пан майор, это надпоручик Крбушик. Мы с патрулем дорожной полиции из Злате Моравце на двадцать шестом километре пятьсот одиннадцатого шоссе. Здесь автокатастрофа. Очень необычная,

пан майор!

В трубке хмыкнули.

– Крбушик, не валяйте дурака и не напускайте таинственности! Что там у вас такого необычного?

Надпоручик, собравшись с духом, произнес:

– Оружие, пан майор.

– Что? Какое оружие? – Затем в трубке замолчали, и через минуту уже совсем другой голос, не лениво-раздражённый, а деловитый и собранный, спросил: – Сколько и какого оружия? Какой автомобиль?

– Пан майор, машина – грузовой микроавтобус «мерседес», старый, когда-то белый. Номера – зволенские. В машине на момент катастрофы находились два человека – водитель и пассажир. Судя по документам – цыгане из Требишова. В первом же открытом ящике найдено шесть автоматов Калашникова...

– Есть ещё ящики?

– Есть. – И, повернувшись к копающимся в грузовом отсеке микроавтобуса полицейским, надпоручик крикнул: – Мажура, ко мне!

Толстый вахмистр, пыхтя и отдуваясь, подбежал к офицеру.

– Да, пан надпоручик. Я здесь!

– Ну? – нетерпеливо бросил Крбушик.

– Ещё двенадцать автоматов, десятка два коробок патронов... И ещё...

– Что ещё?

Вахмистр пожал плечами.

– Не знаю, как и сказать... Четыре гранатомёта, пан надпоручик!

– Соберите все оружие и сложите в целые ящики! – а затем, в телефонную трубку: – Две...

– Слышал! – голос в трубке резко оборвал надпоручика. – Собрать на месте происшествия всё, что возможно! Я сейчас вызову из Нитры кран и платформу, надо будет поднять автобус и доставить в директорат! Да, сколько у вас там людей?

– Трое из дорожной полиции из Злате Моравце – поручик Лукан и два его сержанта. Из уголовной полиции, вместе со мной – четверо, и эксперт-криминалист из Превидзы, он у нас на стажировке. Всего – восемь. Плюс – девять медиков и работников дорожной службы, но они всего этого пока не видели...

– Пусть и не увидят. Место происшествия оградили?

– Пока нет... Оружие только что обнаружили!

– Оградите. Оставьте двух своих людей, пусть не допускают к автобусу любопытных. Все собранное оружие отправьте в Нитру немедленно!

– Да, пан майор, все будет сделано.

– Закончите – доложите. Всё, конец связи.

Надпоручик покачал головой и, спрятав телефон, спустился к микроавтобусу.

– Ну что, Лукан, что скажешь относительно этого ме-

таллолома? – спросил он у старшего группы дорожной полиции.

Поручик, пожав плечами, ответил:

– Странно всё как-то... И даже не о грузе речь... Машина – из Зволена, а водитель и пассажир – требишовские цыгане. Где Зволен, а где Требишов? – затем, подойдя к автобусу, провёл пальцем по оставшейся, ко всеобщему удивлению, целой правой фаре пальцем, показал его надпоручику: – Вот, смотрите, пан Крбушик. Всё стекло – в насекомых.

– И это значит?

– Это значит, что ехали ночью, и ехали долго. Очень долго! Как минимум – часов десять. Судя по тормозному следу, оставленному машиной – ехали с севера.

– Если вечером выехать из Требишова – то как раз к утру будешь здесь. Так?

Поручик отрицательно покачал головой.

– Нет, не так. В кармане одного из трупов ваш прапорщик Турец нашёл чеки с заправок. Заправлялись дизелем на «Словнафте» в Дольнем Кубине и на «Орлене» в Кельце.

Надпоручик присвистнул.

– Вот как! Значит, вы предполагаете...

– Не предполагаю, а уверен. Что ехали эти цыгане из Польши – оба чека вчерашним числом. Выехали вчера днем, и, я думаю, должны были к сегодняшнему утру добраться до места назначения.

К офицерам подошёл давешний вахмистр и деликатно

прокашлялся.

– Да, Мажура. Что в итоге?

– В итоге, пан надпоручик, восемнадцать автоматов, четыре гранатомета и два пулемета. К автоматам двадцать шесть тысяч патронов старого калибра, десять тысяч винтовочных патронов к пулеметам и двенадцать выстрелов к гранатометам. Всё оружие советского образца, полностью исправное, смазанное и готовое к бою. Не пользованное. Серийные номера не сбиты, так что установить его происхождение будет можно... – добавил он от себя.

– Хорошо. Подымитесь наверх и объявите медикам и дорожникам, что они могут ехать. Об оружии – ни слова! Как только они уедут – начинайте грузить оружие в наши машины.

– Слушаюсь, пан надпоручик. – и толстый вахмистр, козырнув, отправился выполнять приказание.

– Пан Крбушик, что вы относительно всего этого думаете? – спросил у надпоручика Лукан.

– Не знаю, Янчи... Я с таким ещё ни разу в жизни не сталкивался. У цыган, бывало, и изымали оружие – но наши «чезеты» или охотничьи ружья, в крайнем случае – какое-нибудь старье времен войны. А вот чтобы так, целый арсенал на колёсах – впервые... Может, эти двое – торговцы оружием? Везли его куда-нибудь на юг? На Балканах это железо и сегодня в цене...

Поручик Лукан отрицательно покачал головой.

– Не думаю. Старая машина, резина изношена донельзя, тормозные колодки ни к чёрту... На таком шарабане далеко в наших горах не уедешь. Как он через Фатру перебрался – для меня вообще загадка... Думаю, что эти – просто перевозчики, подрядившиеся доставить груз из Польши куда-то недалеко – к нам или в Венгрию, вряд ли дальше...

Надпоручик пожал плечами.

– А в Словакии-то это всё к чему? Попытаться продать здесь кому-нибудь один автомат – дело практически бессмысленное, не говоря уже о двух десятках. Клиента надо месяц искать! Кому у нас нужны автоматы? А затем – это ведь серьезное уголовное преступление, за него можно десять лет получить; стоит ли такой риск тех денег, которые за эти автоматы можно было бы получить? Не вяжется у меня, Янчи, ничего... Очевидная бессмысленность всего этого, – надпоручик кивнул на разбитый микроавтобус: – ставит меня в тупик.

Лукан, оглядевшись, ответил вполголоса:

– А вы попробуйте с другой стороны посмотреть на это, пан надпоручик. Если это оружие ехало не для продажи? – Помолчав, поручик продолжил вполголоса: – Знаешь, Ладо, меня груз этого микроавтобуса совсем не удивляет – скорее, подтверждает кое-какие мысли... Боюсь, что именно здесь, у нас, в Словакии – этому оружию кто-то и готовил применение... Причем, отнюдь не цыганами! У вас на средней Нитре и вообще на севере этого не видно, а у нас, в Моравцах, и

дальше на юг – последнее время напряжение даже в воздухе чувствуется – и ты знаешь, почему... Каждую ночь на дорожных указателях кто-то поверх «Златы Моравцы» пишет «Араньошмарот»¹² – и это самое безобидное, что у нас твориться. – Поручик помолчал, а затем, тяжело вздохнув, добавил: – И думаю я поэтому, что этот микроавтобус далеко не единственная машина, занятая перевозкой подобного груза. Полагаю, что вот такие вот сувениры везут к нам из Польши сейчас в товарных количествах. Кому-то очень хочется, чтобы эти автоматы начали стрелять на нашей земле...

Тут у надпоручика зазвонил телефон.

– Да, пан майор!.. Отправили... Да, начинаем... К десяти, я думаю... Нет, не звонили... И они тоже... Понял вас, пан майор! – отняв трубку от уха и отключив телефон, Крбушик, пожав плечами, сказал, обращаясь к Лукану: – Чёрт знает, что такое... Майор Божик приказал о грузе этого «мерседеса» никому не говорить – даже коллегам. Предупреди своих – если проболтаются, в полиции им больше не служить... Майор говорит, из Братиславы к обеду приедут специалисты – расследовать эту катастрофу. Нам с тобой велено все здесь тщательно заснять, собрать все, что может относиться к этому автобусу и его пассажирам. Через час приедет платформа и кран – надо будет погрузить эту кучу железа и отправить его в Нитру.

– Из Братиславы? К обеду? – и Лукан даже присвистнул.

¹² Aranyosmarót – венгерское название словацкого города Zlaté Moravce

– А ты как думал? Сам видишь – это не простая автокатастрофа, здесь все покруче. И, похоже, ты прав – запах у всего этого дела совсем не уголовный. Тут дела похуже...

* * *

Мда-а-а, завтрак в этом «Классике» слабоват... Ладно, где-нибудь по трассе остановлюсь пообедать – доберу. Хотя за двенадцать злотых могли бы подавать что-нибудь посущественней яичницы и кофе – хоть бы ветчины пару листиков положили бы, что ли? Жлобы.

Так, теперь старательно ищем съезд на трассу на Закопане – хотя прошёлкать его мудрено, эвон на карте как эта дорога знатно обозначена. Общеввропейское семьдесят седьмое шоссе, до самого Будапешта и дальше, на юг, на Балканы. Никак мимо не проедешь!

Хм... Что за чёрт? Теоретически поворот есть – а фактически его нет, съезд заставлен пластмассовыми тумбами, а указатель перевязан крест-накрест чёрными пластиковыми лентами – объясняя самым тупым, что поворота направо нет. Странно... Ладно, на семьдесят седьмую трассу будет ещё три съезда, судя по карте – где-нибудь, может быть, и удастся свернуть на юг.

Однако далее Одиссея ждали одни разочарования. Ни один (!) съезд с четвертой автомагистрали на дороги, ведущие на юг, не действовал. Причём никаких объяснений

со стороны дорожных служб данному феномену не было – польские дорожники предлагали автопутешественникам принять сей факт за данность и продолжать двигаться на запад – в надежде, что где-нибудь там они смогут обрести желанную свободу манёвра и свернуть в сторону Словакии.

Ладно, так и до Катовиц можно домчаться – если следовать польским указателям. Нам Катовице без надобности – нам нужна Банска-Бистрица! И Одиссей решительно на одной из развязок свернул направо, проехал под мостом, а затем, совершив ряд не совсем даже ему понятных манёвров, выехал на какую-то провинциальную дорогу, идущую вдоль краковского аэропорта Балице. Судя по карте, эта дорога должна была привести его в Черняхув, где теоретически имелся паром, который его вместе с верной «жигуличкой» сможет переправить на правый берег Вислы.

Паром оказался чисто теоретическим – бродящий тут же унылый паромщик доложил, что в связи с недавними проливными дождями уровень воды в Висле поднялся на невероятную высоту и паром не действует – в опасении возможного оверкиля.

Ладно, раз оверкиль – будем искать мост. Но вот только где?

Паромщик, глянув в карту, разложенную Одиссеем на капоте, уверенно ткнул пальцем в населенный пункт Янковице, где, по его уверениям, был прекрасный мост через Вислу. Но на вопрос о состоянии дороги далее на юг дружелюб-

ный капитан безмоторного плавсредства лишь пожал плечами. «Не вем, курва, але до Вадовице юж не вольно ехачь».

– А на Андржихув?

На Андржихув, по уверениям автохтона, проехать можно было легко! «Бо, курва, там юж високо, вольно ехачь!»

Стало быть, с родиной покойного Папы Римского мы пролетаем – нет туда проезда, правый приток Вислы, Скава, разлившись, отрезала Вадовице от Кракова. И значит, придется двигаться на Живец и далее в Словакию через Живецкие Бескиды, горы весьма серьезные; перевал на высоте почти полторы тысячи метров! Для «жигулички» это будет непросто...

Впрочем, опасения оказались напрасными; через полтора часа Одиссей довольно успешно взобрался на перевал, миновал заброшенные терминалы бывшего пограничного контрольно-пропускного пункта «Звардон» и въехал в Словакию.

Вот и начались словацкие горы... Словаки их различают запросто, чётко определяя, какое из этих хаотичных скопленных вершин есть Малая Фатра, какое – Муранская Планина, а какое – Высокие Татры; для иностранца же все эти горы на одно лицо. Красиво, ничего не скажешь – особенно для жителя равнины – но чертовски непривычно! Вверх-вниз, серпантины и повороты почти под девяносто градусов... Замучаешься крутить баранку! Если бы переходил границу (сегодня – более чем условную) в районе Трстены, и далее шел бы

на Дольны Кубин и Ружомберок – то ехал бы вдоль Оравы, петляя вместе с ней по долине меж хребтов Велькой и Малой Фатр. А так пришлось двигаться по диковатым Силезским Бескидам, плавно переходящим в горный массив Яворник – слава Богу, дорога от Чадцы на юг постепенно спускалась на равнину и уже за Жилиной горы отступали далеко к горизонту, открывая радующую глаз равнинного жителя перспективу. Одно плохо – теперь где-то за Жилиной надо было вывернуть налево, чтобы из долины Нитры попасть в долину Вага – а карта, зараза, никаких левых поворотов аж до Нитранского Правно не показывала. Да и там, по ходу, дорожка через перевалы Велькой Фатры была ещё той козьей тропой – на карте она стыдливо обозначалась желтенькой ниточкой под трехзначным «муниципальным» номером. Знаем мы эти ваши муниципальные дороги... Узенькое щербатое полотно, обрывающееся прямо над откосом, даже без намёка на какую-либо обочину. По таким дорогам, да ещё в здешних горах, хорошо в «русскую рулетку» играть – доедешь или не доедешь?

Посему поедем-ка мы до Жъяра – чтобы там повернуть на Зволен и, пусть и проехав лишних полсотни вёрст, но зато уверенно и спокойно доберёмся до Банской-Быстрицы. Тем более – времени ещё валом, здесь, в Центральной Европе, всё рядом...

Какой идиот поставил здесь свою машину? Теперь придется парковаться на противоположной стороне – и при этом заезжать обоими правыми колёсами на газон, иначе машинам здесь не разминуться... Где этот Тамаш? Быстрее бы уж он появился – ждуть становится просто невмоготу! Где его черти носят?

Но все же как легко они на это решились! Как будто здесь не центральная Европа, а какой-нибудь Занзибар... Хотя... Этим всё равно, венгры или негры, для них любые люди – просто расходный материал. Целесообразность – единственный критерий; если эти посчитают, что целесообразно пролить чью-то кровь – они сделают это без всяких колебаний...

Непонятно одно – к кому из деятелей правящей партии эти подобрали ключик? Ведь без поддержки кого-то из окружения нового премьера – причем этот «кто-то» должен быть достаточно влиятельным человеком, чтобы, когда начнутся События – уговорить премьера выступить в нужном ключе – вся эта затея обречена на провал. Хотя... Что у этих новых властителей Венгрии в голове – один дьявол разберет! Может, они там все повязаны?

Да нет, вряд ли... Затее опасная, кровью от неё за километр разит. Чтобы в этом деле запачкаться – надо быть совсем уж без мозгов. Или иметь достаточно серьезную стра-

ховку на случай непредвиденных обстоятельств... Пару миллионов долларов и гарантию невыдачи – если всё пойдёт наперекосяк – это минимум. А такими страховками те, кто всё это затеял, разбрасываться не станут – нецелесообразно.

Любопытно было бы знать – дурачки из числа тех ирредентистов, что всерьез готовы поджечь свою нынешнюю страну ради эфемерного «возрождения Великой Венгрии» – они что, не понимают, что являются просто инструментом в чьих-то опытных и умелых руках? Какая, к чертям собачьим, «Великая Венгрия»? Насквозь провонявшие нафталином, полуистлевшие знамена времен Регентства¹³, лозунги «ревизии Трианона»¹⁴, плюс «право наций на самоопределение» – какая все же каша у них в голове! Их попросту используют, а потом выбросят, как ненужную ветошь – про себя посмеявшись с их ирреденты...

А оружие уже прибывает – вчера это подтвердил Карел Новотны; где-то в центральной Словакии его людьми был обнаружен разбившийся грузовичок, под завязку набитый оружием и амуницией – Карел сказал, что одних патронов в нем

¹³ Период существования Венгрии в формате монархии (1920–1944 гг.), но при фактическом отсутствии монарха. Регентом (местоблюстителем королевского престола) был адмирал Хорти

¹⁴ Трианонский мирный договор (был подписан 4 июня 1920 года) – договор между Антантой и Венгрией (как частью бывшей Австро-Венгрии), лишивший Будапешт двух третей довоенной территории (были аннексированы Бачка, Банат, Хорватия, Словакия, Закарпатье, Трансильвания) и наложивший существенные ограничения на её суверенитет

было найдено что-то около сорока тысяч штук. Общевоинской бой можно вести сутки... А скоро придут и те, кто это оружие возьмет в руки; много людей для этого не нужно, сотни полторы наёмников будет достаточно. Да к тому же есть вероятность, что и наиболее глупые и бестолковые бунтари сдуру схватятся за автоматы, которые им любезно предоставят «радетели за венгерское дело». Обычное дело в таких ситуациях...

Где же Тамаш? Обещал к трем, уже десять минут четвертого – на него не похоже... По телефону он – правда, очень осторожно – подтвердил, что сможет связаться с Москвой. Значит, завтра Макс будет в курсе того, что тут происходит – под благостные разговоры о том, что все мадьяры – дети матери-Венгрии... Странно, что в Москве не отозвались на его открытку – хотя отправил он её в Вену уже неделю назад; почта, слава Богу, у нас тут работает сносно, так что получить они её должны были дня три назад, самое малое. Или они уже не владеют той фирмой? Или он что-то забыл дописать? Старею, чёрт возьми...

Ага, вот и машина Тамаша! По телефону он сказал, что он будет в тёмно-зеленом «опеле-астра» – только какого чёрта он остановился напротив трафики? Ясно же договаривались – у ворот пожарной части! Ладно, пройдусь – в конце концов, в моём возрасте моцион только на пользу...

СТОП! В зеленом «опеле» – ДВОЕ! Это не Тамаш! Чёрт побери, надо же так на старости лет облажаться! Назад, к

машине! Успеть бы...

* * *

Нет, это всё же закон подлости: адски разболелось колено, а пансион – на четвертом этаже! Ну что ж мне так не везёт? Ну, вот почему бы этим словакам, издавшим такую шикарную карту Банской-Быстрицы (с легендой на четырех языках) – сразу бы там специально не указать: дескать, искомый пансионат находится на жуткой верхотуре, так что прежде, чем тащить туда свои манатки – оцените свои альпинистские возможности... Хотя мы и сами хороши – когда выбирали с Дмитрием Евгеньевичем место дислокации – даже думать не думали, что этот чёртов пансион ажно под стрехой. Чёрт его угораздил так лохануться!

Но делать нечего – уже девятый час, искать в это время какое-то другое место жительства – мало того, что подведёшь начальство, так ещё вдобавок можно наткнуться на наглухо закрытые двери. Словаки – ещё те любители пораньше завалится спать, в марте они с Саней едва не замёрзли, тщетно пытаясь заселиться в безымянный мотель в Кисуцах, по дороге между Чадцей и Турзовкой – а ведь тогда ещё и десяти не было! Сони...

Ладно, делать нечего – ещё раз прочитав надпись на двери Turisticka ubytovna «Moyzes» – treťom poschodí, Одиссей вздохнул и поволок свою немаленькую сумку наверх, по жут-

ко неудобной, чуть ни не винтовой, лестнице – про себя ругая себя за скупость и в то же время желание «пожить в центре». Тридцать евро за ночь в пансионе, расположенном в двадцати шагах от площади Словацкого национального восстания – ну разве можно было удержаться от такого предложения? Вот и тащи теперь свою сумку на чердак, раз такой жмот и сквалыга...

Отчаянно брюнетистая, до синевы, девица на рецепции попросила у него паспорт, минут пять одним пальчиком вносила его данные в какой-то свой электронный гроссбух, затем приняла три бумажки по десять евро и, небрежно бросив на стойку ключи от номера и от входной двери и свою визитку – объявила, что, если ему вдруг что-то понадобится – пусть звонит ей на сотовый, поелику сидеть здесь до окончания веку она отнюдь не собирается, а собирается наоборот – свистануть на какую-то дискотеку «neďaleko odtiaľ». Ну, понятно, дело молодое, гормон играет – какие тут, на хрен, служебные обязанности? Одиссей согласно кивнул и потащил свою сумку в номер – по дороге дивясь изумительной безалаберности здешнего персонала. А если бы ему вдруг пришла в голову фантазия заселить в этот пансионат десяток бомжей? Запросто бы – никто бы ему не помешал эту фантазию осуществить...

Номер оказался вполне – мансардный этаж, окна выходят на барбакан шестнадцатого века, белье и полотенца – идеально чистые, кровать и непритязательная мебель – функ-

циональны и изящны в своей простоте, санузел... Санузел скомпонован весьма забавно – унитаз поставлен аккуратно под раковиной для умывания – по ходу, строители полагали, что жилец будет чистить зубы, не сходя с... в общем, в процессе утренних санитарных процедур. Затеяники, однако...

Не успел разложиться и развесить обмундирование в шкафу – как раздался телефонный звонок. Давешняя девица с рецепции? Жрицы платной любви?

– Ано! – будем строить из себя словака.

– Саня? – А вот хрен там девицы, как раз совсем наоборот...

– Я, Дмитрий Евгеньевич! – Какая трогательная забота о подчинённых! Или?...

Оказалось – или.

– Завтра выедешь в Венгрию. У тебя там под рукой есть интернет?

Ну, интернет у меня, положим, всегда с собой – зря, что ли, покупал модем к ноуту со всеми возможными роумингами? Да и вай-фай здесь почти всюду в общественных местах наличествует – чай, Европа...

– Да, есть.

– Зайди на сегодняшнюю почту, почитай моё письмишко.

– Яволь!

– Завтра утром, когда доберешься до места – доложись.

– Хорошо, доложу.

– Стартовать во сколько планируешь?

– С утра, в полдевятого, думаю, будет в самый раз.

– Все, будь здоров. Приятного отпуска! – Не удержался от традиционной ядовитой иронии шеф. Спасибо, отец родной...

– До свидания, Дмитрий Евгеньевич!

Вот так всегда – напланируешь себе, поназагадываешь – а тут бац! – вторая смена... Получи и распишись, друг сердечный, а то, что ты в отпуске – так ведь никто тебя контракт подписывать на верёвке не тащил... Сам свою фамилию чирканул! Вот теперь за этот росчерк пера и отвечай...

Вздохнув, Одиссей достал из неброской (в дорогу надо брать вещи скромные, без ненужных понтов) сумки ноутбук, воткнул штекер питания в розетку (ещё успею батарееи посадить!) и, с удовольствием убедившись, что вай-фай на этой верхотуре ловится запросто, и не надо платить огромные деньги за роуминг – вошёл в Интернет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.